

Чарльзу Артуру и Бетти Макки

Пролог

Затем архиепископу надлежит поцеловать правую руку королевы. После чего герцогу Эдинбургскому надлежит подняться по ступеням трона и, сняв свою корону, преклонить колена перед ее величеством, вложить свои сложенные руки в ее ладони и произнести слова присяги:

«Я, Филипп, герцог Эдинбургский, становлюсь твоим вассалом на всю жизнь и буду почитать тебя и служить тебе верой и правдой до самой смерти, защищая от всяческих напастей. Да поможет мне Бог».

Поднявшись, ему надлежит прикоснуться к короне на голове ее величества и поцеловать ее величество в левую щеку.

Подобным же образом надлежит по очереди принести присягу герцогу Глостерскому и герцогу Кентскому.

*Из порядка церемонии
коронационной службы, 1953 год*

Довольно-таки обидно, думала впоследствии Джой, познакомиться с будущим мужем в день, ставший днем принцессы Елизаветы. Или королевы Елизаветы II, как

торжественно она была наречена к концу того дня. При всей важности этого события для них обоих оно не вызывало — по крайней мере, у Джой — радостного волнения.

Тот день предвещал дождь, а вовсе не прекрасную встречу. Свинцовые небеса над заливом Гонконга набухли влагой. Медленно прогуливаясь со Стеллой по парку Пика Виктории, Джой сжимала папку с влажными нотными листами, ощущая скользкие от пота подмышки и прилипшую к спине блузку, что отнюдь не прибавляло ей монархического пыла при мысли о приеме в честь коронации в доме Брогэм-Скоттов.

Мать Джой беспокойно металась по дому, взволнованная присутствием отца, вернувшегося из очередной поездки в Китай. Всякий раз его появление, казалось, вызывало резкий спад настроения Элис, и Джой уже не надеялась избежать недовольства матери.

— Не смей это надевать! — нахмурившись и сложив ярко-красные губы в недовольную гримасу, сказала она дочери.

Джой не спускала глаз с двери, с нетерпением ожидая появления Стеллы. Тогда ей не пришлось бы идти на виллу Брогэм-Скоттов с родителями. Джой наврала им, что хозяева попросили заранее принести ноты. Даже пешие прогулки с родителями вызывали у нее морскую болезнь.

— У тебя такой невзрачный вид, милая. Опять ты надела высокие каблуки и будешь над всеми возвышаться.

Это знакомое словечко «милая» должно было подсластить неприятные замечания Элис.

— Я буду сидеть.

— Невозможно сидеть весь вечер.

— Тогда подогну колени.

— Тебе следовало бы надеть широкий пояс. Он тебя укоротит.

— Но врежется в ребра.

— Не понимаю, зачем так упрямиться. Я лишь стараюсь помочь тебе. А ты, похоже, даже не пытаешься выглядеть привлекательной.

— Ах, мама, мне все равно. И никому до этого нет дела. Вряд ли кто-то обратит на меня внимание. Все будут слушать, как принцесса произносит клятву или что-то в этом роде.

«Просто оставь меня в покое, — взмолилась в душе Джой. — Не дай бог весь вечер выслушивать твои колкости».

— Ну а мне не все равно. Люди подумают, что я воспитала в тебе пренебрежительное отношение к вещам.

Для Элис было очень важно, что подумают люди. «В Гонконге все на виду», — любила повторять она. Всегда кто-нибудь на тебя смотрит, кто-нибудь о тебе судачит. «В каком крохотном и скучном мирке мы живем», — хотелось ответить Джой. Но она молчала, хотя это было правдой.

Отец, несомненно, напьется и станет целовать всех женщин в губы, а не в щеку, заставляя их беспокойно озираться по сторонам из опасения, что они сами дали ему повод. Немного расслабившись, он позже накричит на Элис. Хорошая жена не мешала бы мужу чуть повеселиться после нескольких недель изматывающей работы в Китае, ведь все мы знаем, каково это — иметь дело с азиатами! Он очень изменился

после вторжения японцев. Но тогда об этом не говорили.

Там были Брозэм-Скотты. И Маршанты, и Дикинсоны, и Аллейны. И все прочие семейные пары, которые принадлежали к особому классу, обитавшему между Пиком и Робинсон-роуд (в те дни в «среднем ярусе» действительно жили представители сословия клерков). Они встречались на вечеринках в Крикетном клубе Гонконга, на скачках в Хэппи-Вэлли, совершали совместные плавания на джонках к отдаленным островам, попивая херес и сокрушаясь по поводу москитов, покупки молока, цен на недвижимость и шокирующей невежественности китайцев. Говорили об Англии, о том, как тоскуют по ней, о приезжающих оттуда теперь, о своей скучной, неинтересной жизни и о том, какой тусклой им казалась тогда Англия, хотя война давным-давно закончилась. Но больше всего судачили друг про друга, причем у военных был в ходу особый язык, приправленный солдатскими шутками, торговцы безжалостно поносили конкурентов, а женщины, соревнуясь в язвительности, примыкали то к одной, то к другой группке.

Но хуже всего, что там был не пропускающий ни одного сборища Уильям — со скошенным подбородком и редкими светлыми волосами, вполне сочетающимся с писклявым голосом. Он, бывало, обнимет Джой за талию влажной рукой и, не спрашивая ее согласия, ведет куда-то. Из вежливости делая вид, что слушает, она заглядывала сверху на его макушку, замечая новые залысины.

— Думаешь, она волнуется? — спросила Стелла.

Ее блестящие волосы были собраны на затылке. Ни один выбившийся волосок не завивался во влажном воздухе, в отличие от волос Джой, которые стремились распушиться, едва их собирали в пучок. Когда Джой закалывала волосы, ее горничная Бей Лин, бывало, хмурилась и ворчала, словно Джой делала это нарочно.

— Кто?

— Принцесса. Я бы волновалась. Как подумаешь обо всех этих свидетелях церемонии...

В последнее время Стелла, щеголявшая по случаю предстоящих торжеств в красной юбке, белой блузке и голубом кардигане, проявляла, как казалось Джой, какой-то нездоровый интерес к принцессе Елизавете. Подруга обсуждала украшения принцессы, ее наряды, вес короны, даже то, как ее муж, наверное, завидует ее титулу, поскольку сам не станет королем. Джой подозревала, что Стелла пытается отождествить себя с принцессой.

— Ну, не все же ее увидят. Многие, как мы, будут только слушать репортаж по радио.

Обе они отступили в сторону, чтобы дать проехать машине, успев мельком заглянуть в нее — нет ли там знакомых.

— Но принцесса может все же перепутать слова. Я бы перепутала. Я наверняка запинаясь бы.

Джой усомнилась в этом, поскольку Стелла почти во всем была образцом настоящей леди. В отличие от Джой у Стеллы был рост, приличествующий молодой леди, и она носила элегантные наряды, которые портниха из Цим-Ша-Цуй шила ей по последним парижским фасонам. Стелла никогда не спотыкалась, не ду-

лась в компании и могла без усталости болтать с бесконечной чередой офицеров, которых принуждали посещать приемы, чтобы отвлечься от мыслей о неминуемой отправке на корейскую войну.

— Как думаешь, мы останемся до конца?

— До конца церемонии? — выдохнула Джой, пнув камень. — Это займет не один час, все напьются и примутся сплетничать. А моя мать начнет флиртовать с Данканом Аллейном и заговорит о том, что Уильям Фаркухарсон состоит в родстве с Джардинами и имеет все шансы жениться на девушке с моим положением в обществе.

— Я бы сказала, он по росту недотягивает до твоего положения в обществе. — Стелла тоже иногда острила.

— Я специально надела туфли на высоком каблуке.

— Ладно тебе, Джой. Это же здорово. У нас будет новая королева.

— Чему тут особенно радоваться? — пожала плечами Джой. — Мы даже живем с ней в разных странах.

— Но она все-таки наша королева. И почти одного возраста с нами! Подумай только! Это же самый большой прием за много лет. Все там соберутся.

— Но там не будет ничего нового. Неинтересно ходить на вечеринки, где всегда одни и те же люди.

— Ах, Джой, зачем настраиваться на скуку? Полно новых людей, с которыми можно поговорить.

— Но мне не о чем с ними разговаривать. Их интересуют только магазины и тряпки и кто кому навредил.

— Извини меня, — насмешливо произнесла Стелла, — а о чем еще говорить?

— Я не имею в виду тебя. Ты же понимаешь, о чем я. В жизни должно присутствовать много другого. Неужели тебе не хочется поехать в Америку? Или в Англию? Путешествовать по свету?

— Я уже побывала во многих местах. — (Отец Стеллы был капитаном корабля.) — Честно говоря, мне кажется, люди повсюду интересуются одним и тем же. В Сингапуре это была одна сплошная вечеринка с коктейлями. Даже маме стало скучно. Так или иначе, люди не всегда одни и те же. Есть офицеры. Сегодня их там много соберется. И ты наверняка познакомишься не со всеми.

Офицеров собралось много. Широкая терраса на вилле Бругэм-Скоттов, с которой в те редкие моменты, когда на вершине Пика Виктории рассеивался туман, открывался великолепный вид на залив Гонконг, сейчас являла собой море белого цвета. Внутри, под вентиляторами, жужжащими наподобие огромных пропеллеров, бесшумно сновали среди гостей китайские слуги в мягких туфлях, тоже одетые в белые куртки, разнося на серебряных подносах напитки со льдом в высоких бокалах. Гул голосов то перекрывал музыку, то заглушался ею, и сама музыка, казалось, затихала в удушливой влажной жаре. Вымпелы с «Юнион Джеком», развешенные под потолком, болтались, как мокрые тряпки, едва покачиваемые искусственным ветерком.

В углу отделанной мрамором гостиной полулежала в шезлонге, обитом дамастом, обольстительная, томно-бледная Элвин Бругэм-Скотт. Ее, как обычно, окружала толпа предупредительных офицеров. На Элвин

было шелковое темно-фиолетовое платье с глубоким вырезом и юбкой в сборку, ниспадающей складками на длинные бледные ноги. У нее под мышками нет пятен от пота, отметила по себя Джой, крепче прижимая руки к бокам. Одну из туфель, отделанных искусственным мехом горноста, Элвин уже сбросила на пол, выставив на обозрение ярко-красные ногти. Джой знала, что именно скажет ее мать, увидев Элвин и досадуя на себя на то, что у нее самой не хватит на это смелости. Дальше ярко-красной помады для губ Элис не шла, но не потому, что не хотела.

Джой и Стелла положили ноты на столик и кивнули в знак приветствия, зная, что миссис Брэгэм-Скотт не любит, когда ее прерывают.

— Как мы будем слушать церемонию? — спросила Стелла, с беспокойством озираясь по сторонам в поисках радиоприемника. — Как они узнают, когда все начнется?

— Не волнуйтесь, моя дорогая, у нас еще есть время, — взглянув на часы, ответил Данкан Аллейн. — Не забывайте, что на родине время отстает на восемь часов.

Данкан всегда разговаривал как герой Королевских военно-воздушных сил из фильмов о войне. Девушкам это казалось смешным, однако Элис, к досаде Джой, как будто воображала, что сама она похожа на Селию Джонсон¹.

— А ты знаешь, что ей предстоит принять «живых оракулов Бога»? — восторженно произнесла Стелла.

— Что?

¹ *Селия Джонсон* (1908–1982) — английская актриса театра и кино. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Принцессе Елизавете. Во время церемонии. Ей предстоит принять «живых оракулов Бога». Понятия не имею, кто они такие. И ей будут прислуживать четыре кавалера ордена Подвязки. Как думаешь, а они действительно следят за ее подвязками? В конце концов, у нее ведь есть дама, отвечающая за гардеробную. Мне сказала об этом Бетти Уорнер.

Джой заметила мечтательный взгляд Стеллы. Почему это событие не приводит ее саму в восторг? Почему мысли о предстоящем вечере внушают ей только ужас?

— А еще, ни за что не поверишь: при миропомазании миро наносится ей прямо на грудь. По-настоящему. Жаль, мы только услышим все по радио и не увидим, как архиепископ дотрагивается до нее.

— Привет, Джой. Ей-богу, у тебя немного взмыленный вид. Пешком сюда добиралась? — Это был Уильям. Залившись краской смущения, он робко протянул ей руку. — Извини. Я не то хотел сказать, то есть я тоже добирался пешком. И ужасно вспотел. Гораздо сильнее тебя. Взгляни.

Джой подхватила с подноса высокий бокал с розовым напитком и залпом выпила. В тот день не одна принцесса Елизавета принесла свою жизнь в дар стране.

К моменту начала коронации из высоких бокалов было выпито немало розовых коктейлей. Джой, стремившаяся достигнуть обезвоживания в условиях влажности, осушала бокалы один за другим. Коктейли по вкусу мало походили на алкоголь, а мать выпустила ее из поля зрения, поскольку разрывалась между наглой

ухмылкой Тоби Джагга¹ на лице Данкана Alleyна и досадой на мужа, который явно наслаждался вечером. Поэтому Джой очень удивилась, увидев, что портрет принцессы Елизаветы, висящий на стене столовой, начинает вдруг двоиться и как будто даже заговорщицки ухмыляться при виде попыток Джой идти по прямой линии.

Несколько часов кряду гул множества голосов, возбужденных обильной выпивкой, то нарастал, то стихал, заполняя собой внушительный первый этаж виллы. Не наделенная даром свободно беседовать, Джой все больше замыкалась в себе. Похоже, ей удастся лишь отталкивать от себя людей, а не привлекать их. Она наконец избавилась от Уильяма, сказав ему, что с ним хочет поговорить по какому-то делу мистер Эймери. Стеллу поглотил кружок восхищенных морских офицеров. Рейчел и Джинни, две другие девушки ее возраста, сидели в уголке со своими кавалерами-близнецами, волосы которых сияли от бриллиантина. Освободившись от докучливого внимания со стороны сверстников, Джой сдружилась с высокими бокалами.

Заметив, что ее бокал почему-то опять пуст, она поискала глазами слугу. Слуг как будто поубавилось, или, быть может, ей стало трудно отличать их от прочих людей. Хихикнув про себя, Джой подумала, что им стоило бы носить куртки с «Юнион Джеком». «Юнион джекеты». Или маленькие короны.

¹ *Тоби Джагг* — главный герой произведения Денниса Уитли «Преследователь Тоби Джагга», военный летчик, получивший тяжелое ранение и оказавшийся прикованным к инвалидному креслу.

Она смутно различила звуки гонга и смеющийся тенор мистера Брогэм-Скотта, который созывал гостей к радиоприемнику. На миг прислонившись к колонне, Джой стала ждать, пока люди перед ней не продвинулись вперед. Тогда она сможет выйти на террасу и подышать свежим воздухом. Но покачивающиеся людские тела стояли перед ней сплошной стеной.

— О господи... — пробормотала она, — мне надо на воздух.

Джой думала, что произнесла эти слова мысленно, но вдруг кто-то взял ее за руку и тихо проговорил:

— Тогда давайте я помогу вам выйти.

С удивлением Джой обнаружила, что ей пришлось поднять глаза. Ей редко доводилось поднимать взгляд — она была выше всех китайцев и большинства мужчин на приеме. Джой с трудом различила два удлинённых серьезных лица над двумя тугими белыми воротничками, которые склонились к ней. Морской офицер. Или два. Точно она не знала. Так или иначе, один из них взял ее под руку и осторожно повел через толпу к террасе.

— Хотите сесть? Дышите глубже. Я принесу вам стакан воды. — Усадив ее в плетеное кресло, офицер исчез.

Джой с жадностью вдохнула свежего воздуха. Смеркалось, и на Пик опустился туман, скрыв виллу от остальной части острова Гонконг. Единственными признаками того, что она здесь не одна, были отдаленные сильные гудки барж, бороздящих воды внизу, шелест листьев баньянов и чуть различимая струя чеснока и имбиря, разлитая в неподвижном воздухе.

Именно этот запах доконал Джой.

— О господи... — снова пробормотала она, — о нет...

Оглянувшись, Джой с облегчением заметила, что последние из гостей исчезают в комнате с радиоприемником. Перегнувшись через перила террасы, она долго и шумно блевала.

Наконец она выпрямилась, тяжело дыша, с прилипшими к вискам влажными волосами. Открыв глаза, Джой увидела перед собой того морского офицера, который протягивал ей стакан воды со льдом. Джой лишилась дара речи. Она лишь посмотрела на него в немом ужасе, потом наклонила зардевшееся от смущения лицо к стакану с водой. Быстро протрезвев, она молила лишь о том, чтобы офицер исчез.

— Дать вам носовой платок?

Джой не поднимала лица, хмуро уставившись на свои туфли на высоченных каблуках. У нее в горле застряла какая-то гадость, не желавшая опуститься вниз, несмотря на все ее попытки сглотнуть.

— Послушайте, вот, возьмите.

— Пожалуйста, уходите.

— Что?

— Я сказала: уходите, пожалуйста.

Если она сейчас же не смоется, ее застучает здесь мать, и начнется светопреставление. Джой прикинула возможные варианты:

ее никуда нельзя брать с собой;

позор ее поведения;

почему она не может быть такой, как Стелла?

что подумают люди?

— Прошу вас. Пожалуйста, уходите.

Джой понимала, как невежливо это звучит, но страшилась, что ее обнаружат или что во время светского разговора бог знает что может выплеснуться на ее блузку, поэтому выбрала из двух зол меньшее.

Наступила долгая пауза. Из столовой доносились громкие восклицания.

— Мне так не кажется. Думаю, вам лучше пока не оставаться одной.

Голос был не такой молодой, как те возбужденные, резкие голоса большинства офицеров, но без басовитых нот, присущих властным людям. По званию он, должно быть, не выше офицера.

«Почему он не уходит?» — думала Джой.

Но офицер продолжал стоять рядом. На одной штанине его безукоризненных брюк она заметила крошечное оранжевое пятнышко.

— Послушайте, сейчас мне гораздо лучше, спасибо. И мне правда хочется, чтобы вы ушли. Пожалуй, я пойду домой.

Мать придет в ярость. Но Джой скажет, что заболела. И это не будет откровенной ложью. Правду будет знать только этот мужчина.

— Позвольте проводить вас, — произнес он.

Из дома вновь послышался нарастающий шум, а затем чей-то визгливый, немного истеричный смех. Вдруг зазвучала джазовая мелодия и столь же резко оборвалась.

— Держитесь за меня, — сказал офицер. — Я помогу вам подняться.

— Прошу вас, оставьте меня в покое!

На этот раз ее голос прозвучал резко даже для собственных ушей. Ответа не последовало, а потом, зата-

ив дыхание, Джой услышала удаляющиеся шаги, когда он медленно выходил с террасы.

Джой было не по себе, но чувство стыда быстро прошло. Она встала, отпила большой глоток воды со льдом и поспешно, чуть пошатываясь, пошла в дом. Если немного повезет, она сможет сбежать, пока все слушают. Но когда Джой проходила мимо двери гостиной, оттуда начали просачиваться гости. В первых рядах с расстроенным выражением лица и заплаканными глазами шла Стелла.

— Ах, Джой, представляешь?

— Что? — откликнулась Джой, прикидывая, как бы поскорей пройти мимо нее.

— Ах, этот проклятый приемник! Угораздило его сломаться именно сегодня! Невероятно, что у них один на весь дом. Наверняка у всех больше одного приемника в доме.

— Не стоит волноваться, дорогая Стелла, — сказал Данкан Аллейн, одной рукой теребя усы, а другой задержавшись на ее плече чуть дольше, чем того требовало якобы отеческое внимание. — Кто-нибудь мигом принесет приемник из дома Маршантов, и вы ничего не пропустите.

— Но мы пропустим все начало. И никогда больше этого не услышим! Возможно, за всю нашу жизнь не будет другой коронации. О, это просто невозможно!

Теперь Стелла плакала по-настоящему, не обращая внимания на гостей вокруг. Не исключено, что некоторые из них считали священную королевскую церемонию досадной помехой для этой замечательной вечеринки.

— Стелла, я хочу уйти, — прошептала Джой. — Очень жаль, но мне нездоровится.

— Но так нельзя! Подожди хотя бы, когда принесут приемник.

— Завтра я к тебе загляну.

Заметив, что родители вместе с другими гостями сидят вокруг молчащего радио, Джой устремила к двери. Кивнув слуге, который выпустил ее из дома, она оказалась одна во влажном вечернем воздухе, прислушиваясь к писку москитов и немного сожалея об оставшемся в доме мужчине.

Экспатрианты Гонконга привыкли к хорошей жизни с едва ли не каждодневными вечеринками и ужинами, поэтому по утрам на улицах не часто можно было встретить европейцев. Но вот Джой оказалась в меньшинстве, проснувшись на следующее утро с совершенно ясной головой после досадного происшествия с розовыми коктейлями.

Казалось, все живущие вблизи пика страдают от похмелья. Мимо бесшумно проходили парами китайцы и китайки, некоторые с тяжелыми корзинами или тележками, но не было видно ни одного европейца. Побеленные дома, стоящие на отдалении от дороги, были увешаны поникшими разноцветными полотнищами, а из окон свешивались портреты улыбающейся принцессы, как будто утомленной излишествами прошлого вечера.

Шлепая по квартире с тиковыми полами, они с Бей Лин разговаривали шепотом, чтобы не разбудить Элис и Грэма, которые до поздней ночи возбужденно и сбивчиво ругались. Джой решила, что стоит отпра-

виться на Новые территории, чтобы заняться верховой ездой. Сегодня домашние с приступами головной боли, которую только усугубит влажная жара, будут в раздраженном оцепенении валяться на диванах под вентиляторами. В такой день не следует оставаться в городе. Но Джой смущало то, что нет никого, кто мог бы вывезти ее из города.

Около десяти она подошла к дому Стеллы, но все шторы были задернуты, и Джой не решилась войти. Отец, на которого она всегда могла рассчитывать, вряд ли встанет раньше полудня. А больше ей не к кому было обратиться. Сидя в плетеном кресле у окна, Джой забавлялась мыслью о том, как бы доехать на трамвае до центра города, а потом сесть на поезд. Но она никогда не ездила туда одна, а Бей Лин отказалась ехать с ней, понимая, что хозяйка очень рассердится, если узнает, что прислуга уехала на прогулку.

— О Боже, храни чертову королеву! — буркнула Джой вслед удаляющейся спине прислуги.

Джой не в первый раз возмущалась ограничениями в своей жизни, как территориальными, так и физическими. Когда вскоре после вторжения японцев в Гонконг колонию покинули женщины и дети, Джой с матерью некоторое время жила в Австралии, и там она испытала неслыханную свободу. Они жили у сестры Элис, Марселлы. Двери ее дома, стоявшего прямо на берегу океана, были всегда открыты для Джой и многочисленных соседей. По сравнению с обитателями Гонконга эти люди казались такими свободными и жизнерадостными.

Элис тоже держалась там непринужденно, она расцвела в сухом жарком климате, где все говорили на ее

родном языке, а высокие загорелые мужчины беззастенчиво флиртовали с ней. Там манеры Элис казались верхом изысканности, а наряды поражали воображение. В изгнании Элис удалось предстать именно в таком виде, как ей хотелось: шикарной экзотической космополиткой. Кроме того, Марселла, будучи моложе сестры, уважала ее вкусы и стиль, что было приятно. В этой благоприятной атмосфере Элис меньше обычного беспокоилась за Джой, спокойно отсылала ее на пляж или в торговую галерею — совсем не так, как в Гонконге, где она была постоянно озабочена огрехами во внешности дочери, ее манерами и потенциальными опасностями, с которыми может столкнуться девушка в нецивилизованной стране.

— Ненавижу свою жизнь, — вслух произнесла Джой, дав волю мыслям, которые облаком нависли над ней.

— Мэм? — В дверях стояла Бей Лин. — Вас хочет видеть джентльмен.

— Спрашивает мою мать?

— Нет, мэм, вас. — Она многозначительно ухмыльнулась.

— Пригласи его.

Нахмурившись, Джой пригладила волосы и встала. Меньше всего ей нужно было сейчас общество.

Дверь открылась, и вошел незнакомый мужчина в белой рубашке с коротким рукавом и светло-желтых брюках. Аккуратно подстриженные рыжеватые волосы, удлиненное аристократическое лицо и светло-голубые глаза. Высокий, он пригнулся, проходя в дверь, в чем не было необходимости, — вероятно, по при-

вычке. Моряк, рассеянно подумала Джой. Они всегда пригибаются перед дверями.

— Мисс Леонард... — Мужчина держал перед собой соломенную шляпу, сжимая ее обеими руками.

Джой смотрела на него в оцепенении, не понимая, откуда он знает ее имя.

— Эдвард Баллантайн. Прошу извинить меня за вторжение. Я лишь хотел... Решил, проверю, как вы.

Вглядевшись в лицо мужчины, Джой с ужасом узнала его и покраснела. До сих пор она видела это лицо только в удвоенном варианте. Она невольно поднесла руку ко рту.

— Я позволил себе смелость спросить у вашей подруги ваше имя и адрес. Просто хотел убедиться, благополучно ли вы добрались до дома. И ругал себя за то, что отпустил вас одну.

— Ну что вы, — ответила Джой, упорно глядя себе на ноги. — Со мной все хорошо. Вы очень добры, — немного помолчав, добавила она, понимая, что накануне была груба.

Некоторое время они стояли молча, а потом до нее дошло, что он не собирается уходить. Джой стало настолько не по себе, что мурашки забегали по спине. Никогда она не испытывала такого смущения, как накануне вечером, а теперь оно возвращалось к ней, как навязчивый запах. Почему он не оставит ее в покое? Оставит с ее унижением? Бей Лин замешкалась в дверях, но Джой намеренно проигнорировала ее. Она не станет предлагать гостю напитки.

— На самом деле, — начал он, — я хотел пригласить вас на прогулку. Или сыграть в теннис. Нашему

капитану дано особое разрешение пользоваться кортами внизу, в Козуэй-Бей.

— Нет, благодарю вас.

— А нельзя ли попросить вас показать мне некоторые из местных достопримечательностей? Я никогда не бывал в Гонконге.

— Очень жаль, но я как раз собиралась уйти, — ответила Джой, по-прежнему не решаясь на него посмотреть.

Наступила долгая пауза. Он явно пялился на нее. Она это чувствовала.

— Что-то интересное?

— Что-что?

Джой слышала, как сильно колотится у нее сердце. Почему он не уходит?

— Вы сказали, что уходите. Просто... хотелось бы знать... куда?

— Еду кататься верхом.

— Кататься верхом? Здесь есть лошади?

Уловив энтузиазм в его голосе, Джой подняла глаза.

— Не здесь, — сказала она. — По крайней мере, не на острове. На Новых территориях. Друг моего отца держит там конюшню.

— Не возражаете, если я поеду с вами? Дома я немного езжу верхом. А сейчас мне очень этого не хватает. В сущности, я уже девять месяцев не видел лошадей.

Он произнес это с тоской, с какой большинство военных говорят о своих родных. Его лицо словно распахнулось, довольно резкие черты смягчились. По неволе Джой подумала, что он как-то по-взрослому красив.